

УДК 82.09

Д. Н. Черниговский

**ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОАНАЛИЗА ЛИТЕРАТУРЫ В
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ (ОБ ОПЫТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА
А. С. ПУШКИНА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФРЕЙДИЗМА)**

В статье впервые рассматривается интересный эпизод из истории эмигрантского пушкиноведения, а именно опыт изучения творчества великого поэта с точки зрения психоанализа в 1930-е годы в Чехословакии. Анализируются взгляды на литературный психоанализ крупнейшего русского филолога А. Л. Бема, а также две статьи врача-психиатра Ф. Н. Досужкова, занимавшегося изучением творчества Пушкина с точки зрения литературного психоанализа. Учитывается и реакция эмигрантского сообщества на эти статьи Досужкова, в частности, мнение поэта и литературоведа В. Ф. Ходасевича и врача М. И. Ретивова. В заключение делается вывод о продуктивности психоаналитического подхода для исследования психологизма пушкинских произведений. Статья может быть полезна при изучении жизни и творчества А. С. Пушкина в высшем учебном заведении, а также при изучении вузовского курса «Методология филологического исследования».

Ключевые слова: психоанализ литературы, учение З. Фрейда о сновидении, А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, А. Л. Бем, Ф. Н. Досужков, Н. Е. Осипов, В. Ф. Ходасевич.

В литературоведении Зарубежья, как и в литературоведении СССР психоанализ не пользовался широким признанием [13]. Известны резкие выпады П. М. Бицилли, Н. С. Трубецкого и В. Ф. Ходасевича в 1920–1930-е гг. против изучения литературы с точки зрения фрейдизма. Причем, если выпад Бицилли, будучи лишен серьезной аргументации, имел чисто эмоциональный характер [4], то выступления на этот счет Ходасевича и Трубецкого выглядели как теоретически обоснованные.

Так, Ходасевич выступал против отождествления литературного персонажа, «реально существующей душевной сферой не обладающего» [11], с живым человеком в качестве пациента психоаналитика. Трубецкой же, основываясь на том факте, что фрейдизм не в состоянии объяснить природу художественного таланта, писал: «Мы не можем признать никакой ценности за психоаналитическим методом... для литературоведения...» [11, С. 119].

Между тем, Прага, в отличие от других центров русского рассеяния, явилась тем местом, где плодотворно развивалась практика и теория психоанализа литературы. Пражские психоаналитики группировались вокруг Н.Е. Осипова, крупного психоневролога, одного из первых русских фрейдистов. Осипов создал в эмиграции свою психоаналитическую школу, преподавал психоанализ с вузовской кафедры, занимался врачебной практикой и психиатрическими исследованиями. Перу этого ученого принадлежит и несколько работ по психоанализу произведений Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого [1].

Одним из последователей Осипова был его друг – выдающийся литературовед А. Л. Бем, который, начиная с 1920-х гг. углубленно занимался изучением Достоевского с точки зрения психоанализа. Итогом этих изучений стала книга «Достоевский. Психоаналитические этюды» (Прага, 1938). Разбирая вопрос о возможности и нужности изучения литературы при помощи психоанализа, ученый ответил на него положительно, но определил границы фрейдизма, в каких он может быть использован для интерпретации художественного текста. Кроме того, Бем писал о важности психоанализа при работе над биографией писателя: «Не подлежит сомнению, что для изучения личности художника область психоанализа огромна. Именно здесь он оказал и еще может оказать неоценимые услуги... Изучая художественное произведение... он (историк литературы. – Д. Ч.) имеет дело с его содержанием, то есть с художественно деформированным в процессе творчества материалом, вне произведения находившимся. Частично этот материал почерпнут автором из

собственного психического мира, обусловлен его душевным складом. Чтобы выяснить, как и в каком направлении шла переработка этого материала, надо знать и этот материал в его, скажем, сыром виде. Отсюда неизбежность для исследователя выхода за пределы произведения, соприкосновение с биографией писателя, с его психическим миром. На этом пути, однако, возникают большие методологические трудности. Как возможно реконструировать психическую личность художника? Если оставить вне рассмотрения его творчество, и исходить только из материала, объективно сохранившегося после писателя, в виде писем, дневников, воспоминаний и т. п., то могут остаться не вскрытыми самые существенные, последние истоки его личности. Если прибегать к творчеству как материалу для реконструкции, то... получится порочный круг: на основании творчества мы воссоздаем личность, а потом, исходя из личности, вновь объясняем творчество. Я думаю, что методологически совершенно неизбежно прибегнуть к реконструированию художественной личности писателя. Другими словами, мы приходим к необходимости воссоздать «образ писателя», дать его «литературную биографию». Это невозможно без введения понятия высшего единства, единства личности творца. Путь воссоздания «литературной биографии» глубоко отличен от создания «биографии жизненной». Не факты жизни играют при воссоздании первой решающую роль, а реконструирование «психического типа». Как возможно последнее? Я думаю, что без привлечения творчества, как внешнего воплощения этого высшего единства личности, придти к воссозданию литературной биографии невозможно. Но при этом мы вынуждены прибегнуть еще и к новому понятию, стоящему в соответствии с понятием единства личности. Это новое понятие есть понятие *единства творчества*. Другими словами, мы вынуждены рассматривать все многообразие творческих проявлений автора, как завершенное единство... как одно единое произведение... Только на этом пути возможно вскрыть движущие силы творческого акта в его конкретной постановке для каждого отдельного писателя. Но при этом нам придется неизбежно прибегнуть к помощи самых

общих законов психической силы. Встреча с психоанализом, дающим эти последние обобщения, на этом пути неизбежна» [3, 14–16.]. Высказав эти соображения, Бем указал и пределы, за которыми должна оставаться компетенция психоаналитика, выступающего в качестве биографа писателя: «В области изучения личности творца, казалось бы, прямой области психоанализа, я склонен принимать далеко не все. Или вернее, далеко не все является для меня, как историка литературы, нужным. И почти обычно, возведение всего до сексуальных первооснов оказывается для понимания писателя, как творца известного ряда произведений и создателя «единой ненаписанной книги», то есть совокупности его творчества, совершенно излишним. Ибо ключа к его личности как творца, такое возведение не дает» [3, 26]. Данное ограничение в области изучения личности писателя Бем вводит потому, что его как литературоведа, много позаимствовавшего у формалистов, интересует лишь истолкование художественного текста. Личность же творца занимает ученого ровно в той мере, в какой знание о ней позволяет углубить интерпретацию творчества данного писателя.

Как видим, Бем предложил чрезвычайно продуманную концепцию психоаналитического изучения биографии писателя, которая, на наш взгляд, прямо соотносится с идеей М. О. Гершензона о необходимости реконструкции духовной биографии великих деятелей культуры [14, 55–56]. К сожалению, занимаясь личностью и творчеством Пушкина, Бем не создал исследования о великом русском поэте в русле своей концепции. И все же пражская психоаналитическая школа представила две работы, посвященные Пушкину. Написаны они были русским врачом-эмигрантом Ф. Н. Досужковым (1899–1982), известным психиатром, занимавшимся под руководством Н. Е. Осипова психоаналитическими исследованиями [7]. В период работы над этими статьями книга Бема о Достоевском еще не вышла в свет, и рассуждения этого ученого о границах психоанализа в области литературы Досужкову были неизвестны, поэтому две его статьи – «Психологические замечания по поводу

сновидения Адриана Прохорова, из повести А. С. Пушкина “Гробовщик” (1937) [8] и «Страшные сны в произведениях А. С. Пушкина (в психоаналитическом толковании)» (1938) [9] страдали именно теми недостатками, которые перечислили в своих критических замечаниях по отношению к литературоведческому психоанализу Трубецкой и Ходасевич. Последний, кстати, высказал эти замечания как раз по поводу названных пушкиноведческих работ Ф. Н. Досужкова. Ходасевич, кроме того, упрекнул пражского врача в попытке воспринимать содержание пушкинского творчества как сплошную символизацию великим поэтом эротических комплексов его персонажей.

Надо сказать, что Бем и Досужков, занимаясь психоанализом литературы, ставили перед собой разные цели. Как пишет современный исследователь, Бем «сделал упор на реконструкции «психического типа» писателя» [2, 113]. При этой реконструкции «не должна быть утрачена цельность знания, поэтическая индивидуальность писателя (последние истоки личности), пронизывающие его творения единым духом» [2, 113]. Досужков же в своих психоаналитических этюдах применил фрейдовский подход с целью показать, насколько достоверно и точно с научной точки зрения Пушкин изображает страшные сны героев в своих произведениях, не пытаясь при этом делать умозаключения о душевном состоянии самого писателя. Правда, мы полагаем, что Досужков не написал о Пушкине как психоаналитик не потому, что не смог или не захотел, а потому, что испугался гневной реакции тех почитателей великого поэта, которые не разделяли принципов фрейдовского учения. Такая реакция, кстати, последовала на его статьи со стороны писателя В. Ф. Ходасевича и врача М. И. Ретивова [10], но она явно была бы сильнее, если бы Досужков рассуждал не только о сексуальном содержании снов пушкинских персонажей – Татьяны Лариной, Григория Отрепьева, Петра Гринева и др., но и о психологии личности их создателя.

В наши дни психоаналитические этюды Досужкова получили иную, нежели в рецензиях Ходасевича и Ретивова, оценку. Так, исследователь русского

эмигрантского пушкиноведения в Чехословакии И. Вацек пишет: «Досужков дает психоаналитический анализ сновидений, иллюстрирующий тезис Фрейда о том, что всякое сновидение, в том числе и страшное, отражает подавленные желания сновидящего. Таково сновидение Германна в «Пиковой даме», в менее явной форме сновидения Гринева в «Капитанской дочке», Григория в «Борисе Годунове», Вадима в неоконченной одноименной поэме, Марьи Гавриловны в повести «Метель» и Татьяны Лариной в «Евгении Онегине». На примере сновидения Адриана Прохорова Досужков демонстрирует правильность мысли Фрейда о роли сновидения как стража сна и доказывает, что сновидение в повести Пушкина предвосхищает научные взгляды на сон, высказанные Фрейдом семьдесят лет спустя» [6, 271–272]. К сказанному чешским ученым добавим, что исследование Досужковым «Гробовщика» является ценным и в том отношении, что в нем на глубинном уровне исследуется психологизм пушкинской повести. Так, Досужков пишет, что в сновидении Адриана Прохорова, человека, способного на недобросовестные поступки, каковым была продажа соснового гроба под видом дубового, «можно видеть искупление вины и таким образом некоторое удовлетворение чувства вины претерпеваемым наказанием. Природа человека, как показал психоанализ, не только носит в себе звериные черты, и сам человек в своей бессознательной психической жизни не только гораздо хуже, чем он это сознает, но и требования совести у человека бесконечно выше, чем он сам об этом думает. Чувство вины, особенно вытесненное в подсознание, безоговорочно требует удовлетворения, каковым единственно может быть искупление соответствующим наказанием» [8, 167]. Заметим, что это рассуждение прекрасно соотносится с мыслью современного исследователя о происхождении страшного сна пушкинского героя, которому во сне пришли в гости мертвецы и среди них первый обманутый им клиент, который «несомненно явился из подсознания гробовщика, как его оттеснённая совесть» [5, 94].

К сожалению, Досужков не стал продолжать свои исследования пушкинского творчества с точки зрения психоанализа, и его статьи явились единственным, хотя и весьма интересным опытом такого рода в эмигрантском пушкиноведении.

Список литературы

1. *Архангельский Г.* Осипов Николай Евграфович // Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в.: энцикл. биограф. словарь. М., 1997. С. 471–472.
2. *Белоус А. А.* Ранний Достоевский и психоанализ. Взгляд А. Бема // Сибирский филологический журнал. 2013. Вып. 2. С. 110–115.
3. *Бем А. Л.* Достоевский. Психоаналитические этюды. Берлин, 1938. 192 с.
4. *Бицилли П. М.* Ермаков И. Д. Этюды по психологии творчества А. С. Пушкина. М., 1923 // Современные Записки. Париж, 1926. Кн. XXVI. С. 486–487.
5. *Бочаров С. Г.* Филологические сюжеты. М., 2007. 656 с.
6. *Вацек И.* Пушкин в исследованиях и публицистике русских эмигрантов в Чехословакии // Пушкин и культура русского зарубежья. М., 2000. С. 260–278.
7. Досужков Федор Николаевич... URL: <https://www.ourbaku.com/index.php>
8. *Досужков Ф. Н.* Психологические замечания по поводу сновидения Адриана Прохорова, из повести А. С. Пушкина «Гробовщик» // Русский врач в Чехословакии. 1937. № 6. С. 160–168.
9. *Досужков Ф. Н.* Страшные сны в произведениях А. С. Пушкина (в психоаналитическом толковании) // Русский врач в Чехословакии. 1938. № 2. С. 32–43.
10. *Ретивов М. И.* Письмо в редакцию (в том числе по поводу «пушкиноведения Досужкова») // Русский врач в Чехословакии. 1938. № 6–7. С. 171–174.
11. *Трубецкой Н. С.* О методах изучения Достоевского // Новый журнал. 1957. № 48. Согласно примечанию публикатора, данная работа была написана в начале 1930-х гг. (см.: Указ. изд. С. 109).
12. *Ходасевич В. Ф.* Курьезы психоанализа // Возрождение. 1938. 15 июля. С. 9.
13. *Черниговский Д. Н.* Из истории психоанализа литературы в СССР (об опыте изучения психологии личности А. С. Пушкина с точки зрения фрейдизма) // Страницы истории русской литературы: сб. ст.: К семидесятилетию проф. В. И. Коровина. М., 2002. С. 192–197.
14. *Черниговский Д. Н.* Проблема создания биографии А. С. Пушкина в СССР и русском Зарубежье в 20–30-е годы. М., 2002. 172 с.

ЧЕРНИГОВСКИЙ Дмитрий Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: usr10891@vyatsu.ru